

Научная статья

УДК 343.378

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.3>

«ПРОМЕТЕИЗМ» И ИДЕИ НЕЗАВИСИМОСТИ КАВКАЗА ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАНАХ ПОЛЬШИ В 20-30-Е ГГ. XX В.

Людмила Николаевна Величко^{1*}, Галина Николаевна Рыкун²

¹ Северо-Кавказский федеральный университет, (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)
Кандидат исторических наук, доцент

lvelichko@ncfu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9911-8169>

² Пятигорский институт (филиал) СКФУ (д.46, пр. 40 лет Октября, г. Пятигорск, 357500, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, профессор

galina.rykun@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0006-2733-1629>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Проблематика отношений между Польшей и Россией остается важным полем исследований не только политологов, но и историков. «Политика памяти» становится важной оставляющей публичной политической стратегии интерпретации и закрепления в общественном сознании исторического дискурса, позволяющего регулировать функционирование коллективной памяти. Коммеморативные практики оказываются особенно востребованными в переломные для общества периоды, прежде всего в условиях формирования или восстановления государственности, когда идёт поиск концептуальных принципов национальной идеи. В этой связи представляется интересным рассмотрение идеи «прометеизма» как особой составляющей внешнеполитической концепции Польши (Второй Речи Посполитой) в отношении СССР. **Материалы и методы.** Исследование построено на анализе дипломатической переписки, донесений польской разведки и отчётов прометеевских организаций документов на основе диахронического метода, с учётом исторического контекста. **Анализ** показал, что «кавказский» прометеевский вектор политики Польши находился в прямой зависимости от её внешнеполитических задач и текущей политической обстановки, которая определялась её взаимодействием с Германией и СССР. **Результаты.** Кавказ в политике Польши в 20-30-х гг. XX в. не играл определяющей роли, но рассматривался в качестве существенного направле-

ния, способного подорвать внутривнутриполитическую стабильность СССР, через дестабилизацию его национальных окраин, что рассматривалось как желаемый результат деятельности разделявших прометеевскую идею эмигрантских кругов, выходцев из Армении, Грузии, Азербайджана и Северного Кавказа. Образование под эгидой Польши Конфедерации Кавказа не удалось в XX в., но её продолжением можно считать усилия Польши по вовлечению государств Южного Кавказа в орбиту политики ЕС.

Ключевые слова: Прометеизм, пястовская и ягеллонская парадигмы, Комитетом освобождения Кавказа, Комитетом независимости Кавказа, Конфедерация Кавказа

Для цитирования: Величко Л. Н., Рыкун Г. Н. «Прометеизм» и идеи независимости Кавказа во внешнеполитических планах Польши в 20-30-е гг. XX в. // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 4. С. 592–598. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.3>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 27.02.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 18.04.2025.

Статья принята к публикации: 28.08.2025.

Research article

“PROMETHEISM” AND THE IDEAS OF INDEPENDENCE OF THE CAUCASUS IN THE FOREIGN POLICY PLANS OF POLAND IN THE 1920-1930S

Lyudmila N. Velichko^{1*}, Galina N. Rykun²

¹ North-Caucasus Federal University, (1 Pushkin St., Stavropol, 355017, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Associate Professor

lvelichko@ncfu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9911-8169>

² Pyatigorsk Institute (branch) of North-Caucasus Federal University (46, 40th Anniversary of October Ave., Pyatigorsk, 357500, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor

galina.rykun@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0006-2733-1629>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The issue of international relations between Poland and Russia remains an important field of research not only for political scientists but also for historians. The politics of memory is becoming an important component of the public political strategy for interpreting and consolidating historical discourse in the public consciousness, which helps regulate the functioning of collective memory. Commemorative practices are particularly in demand during periods of change for society, primarily during the formation or restoration of statehood, when the search for conceptual principles of a national idea is underway. In this regard, it is interesting to consider the idea of Prometheus as a special component of the foreign policy concept of Poland (the Second Polish Republic) in relation to the USSR. **Materials and methods.** The study is based on the analysis of diplomatic correspondence, Polish intelligence reports, and reports of Prometheus organizations, documents based on the

diachronic method, taking into account the historical context. **Analysis** showed that the Caucasian Prometheus vector of the policy of Poland was directly dependent on its foreign policy objectives and the current political situation, which was determined by its interactions with Germany and the USSR. **Results.** The Caucasus did not play a decisive role in Polish policy in the 1920s and 1930s, but was viewed as a significant area capable of undermining the USSR domestic political stability through the destabilization of its national outskirts. It was seen as a desired outcome of the activities of émigré circles from Armenia, Georgia, Azerbaijan, and the North Caucasus who shared the Promethean idea. The formation of the Confederation of the Caucasus under Polish auspices failed in the 20th century, but the efforts of Poland to integrate the states of the South Caucasus into the orbit of EU policy can be considered as a follow-up.

Keywords: Prometheism, Piast and Jagiellonian paradigms, Committee for the Liberation of the Caucasus, Committee for the Independence of the Caucasus, Confederation of the Caucasus

For citation: Velichko LN, Rykun GN. "Prometheism" and the ideas of independence of the Caucasus in the foreign policy plans of Poland in the 1920-1930s. Humanities and law research. 2025;12(4):592-598. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.3>

Введение. Целью исследования является анализ внешнеполитического курса Польши в 20-30-е гг. XX в., формирование подходов и инструментов ведения «восточного» направления её политики в отношении Советской России / СССР.

«Восточное направление» на протяжении длительного времени занимает существенное место во внешней и внутренней политике Польши. В истории внешней политики Польши известны две взаимоисключающие парадигмы – пястовская и ягеллонская, названные так по правящим династиям. В основе пястовской парадигмы лежал принцип построения этнически однородного польского национального государства, располагавшегося между Германией и Россией. Внешнеполитические приоритеты пястовской Польши находились на Западе, что делало неизбежным её конфликты с немецкими соседями. России в этой доктрине отводилась роль вероятного союзника поляков против немецких феодалов. В ягеллонской доктрине Польше отводилась роль «региональной сверхдержавы», на которую возлагалась цивилизаторская миссия, прежде всего на землях Восточной Европы, включая территории, на которые претендовала Россия (Литва, Украина, Белоруссия) [12; 8, с. 372]. В современной Польше «восточное направление», с одной стороны, определяется как политика в отношении государств постсоветского пространства, с другой стороны, видится как взаимодействие со странами Востока: от Израиля до Японии и от Ирана до Индонезии. М. Рац условно разделит геополитическое понятие «Восток» на две составляющие: Восток «европейский», под которым понимается Восточная Европа, европейская часть России и Закавказье, а также Восток «азиатский», т.е. территории, не относящиеся к европейской культурной традиции. Он отмечает, что географически к нему может быть отнесена и азиатская часть России, и то же Закавказье [10, с. 368–369].

Оформлением «восточного измерения» польской внешней политики в самостоятельное направление следует считать XVI в., когда началось геополитическое противостояние двух, формирующих границы, государств – Российского государства и Речи Посполитой. Сложные внутривосточные процессы, включающие формирование общей идентичности и институтов власти, сопровождались оправданием внешней экспансии и обоснованием внешнеполитических притязаний с обеих сторон. Рождение этногенетического мифа о сарматском происхождении поляков стало развитием исто-

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 27.02.2025

The article was approved after reviewing: 18.04.2025.

The article was accepted for publication: 28.08.2025.

риографической концепции происхождения народов от древних предков, широко распространённой в период XV–XVII вв.

Уже к концу XVI в., по мнению А. Г. Васильева, «сарматизм» оформился в польско-шляхетско-католическую идентичность, отличающуюся рядом специфических черт. Во-первых, Польша определялась как «свободное общество» в окружении господства деспотических режимов. Основанием для такого утверждения послужила Радомская конституция (*Nihil novi*), ограничившая власть короля и усилившая власть Сейма и шляхты. Во-вторых, Польша виделась оплотом истинной католической веры, форпостом Европы, стоящим на защите от «восточных схизматиков», протестантов и мусульман. В-третьих, восточное происхождение «поляков-сарматов» обосновывало их продвижение на Восток, а препятствием для этого продвижения являлись Османская империя и Россия. Вторая половина XVI и весь XVII вв. прошли под знаменем борьбы за геополитическое пространство между Польшей и Россией. В XVIII в. три раздела Речи Посполитой окончательно определили Россию в качестве экзистенциальной угрозы в сознании поляков. В конце XIX в. на разделенных польских землях сформировались две идеи формирования независимого государства – Романа Домовского, приверженца «пястовской» идеи и Юзефа Пилсудского, сторонника «ягеллонской» идеи. Если первый определял будущее Польши в союзе с Россией, а главным врагом обеих держав считал Германию, то второй видел основу независимой Польши в возрождении государства в границах 1772 г., т.е. до первого раздела Речи Посполитой, считая главным геополитическим противником Россию.

Материалы и методы. Исследование построено на методе диахронического анализа, позволившего раскрыть политику Польши в отношении Кавказа в период формирования её внешнеполитической доктрины «равного расстояния». Источниковая база сформирована польской дипломатической перепиской, обращениями кавказских организаций в адрес Ю. Пилсудского, донесениями польской разведки.

Анализ. Польское внешнеполитическое сознание формировалось через отношение к соседним государствам, вырабатывая определённую идентичность, «представление одного объекта через посредство другого». «Другим» в начале XX в. являлась Россия [9, с. 51]. После Первой мировой войны и восстановления Польшей независимости, представление о России как об «историче-

ском враге» укрепилось в ходе советско-польской войны 1918 – 1921 гг. В это же время окончательно оформились две внешнеполитические доктрины – «прометеизм» и «Междуморье». Доктрина «прометеизма», возведённая Ю. Пилсудским в ранг составной части стратегии национальной безопасности, являлась продолжением мессианской идеи Польши, в которой польскому народу отводилась роль координатора в борьбе народов, находящихся в составе Российской империи, за освобождение от «русского империализма». Став главой независимой Польши, Ю. Пилсудский определил её новую роль как передний край фронта, государство вставшего на защиту Европы от коммунизма. Он утверждал, что Россия как евразийская держава рухнет, если её многочисленные меньшинства получат власть извне. Следовательно, Польше необходимо было принять участие в политической трансформации национальных территорий распавшейся Российской империи таким образом, чтобы это удовлетворило польскую политику и обеспечило восточноевропейскую безопасность [2, с. 56-57; 7, с.38-39].

Геополитический проект «Междуморья» Ю. Пилсудского т.е. идея создания «Восточноевропейской Федерации», «Восточноевропейской Лиги Наций» включал территории Белоруссии и Украины, рассматривавшиеся как исторические земли Польши и «санитарный коридор» между Европой и Россией. Кавказ, не входивший в непосредственную «Восточноевропейскую Федерацию», мог, при условии создания независимого государственного объединения» стать союзником в борьбе против геополитических амбиций России [1, с. 826].

Закавказье находилось в центре внимания польских политиков в первые годы после распада Российской империи. Интерес к региону был обусловлен тем, что на Кавказе, и особенно в Грузии, с конца XIX в. существовали крупные польские общины [4], а в начале XX в. в Тифлисе и Батуме появились общественные организации – «польские дома». В марте 1917 г. крупнейшие польские организации Тифлиса – Товарищество «Польский дом», Благотворительное общество и Польское общество помощи пострадавшим от войны – учредили Совет польских организаций. В апреле 1917 г. в Тифлисе была создана ещё одна организация – Польский демократический союз и организация военных польского происхождения Польский военный союз, аналог которого был создан и в Батуми. Эти объединения тесно сотрудничали с другими польскими организациями региона и занимались, прежде всего, благотворительной, культурной и образовательной деятельностью [18]. На фоне изменения политической ситуации в России весной 1917 г. в польской среде возникла идея создания национальных воинских частей. Дискуссии того времени свидетельствуют о существовании трёх основных течений среди

поляков, проживающих на Кавказе, относительно решения этого вопроса. Часть поляков выступала за создание самостоятельных польских частей, другие – за их подчинение Временному Государственному совету Королевства Польского в Варшаве, и, наконец, третья группа выступала против создания польской армии [18].

9–11 декабря 1917 г. в Тифлисе состоялся съезд польских организаций, созванный Польским окружным советом. В докладе, представленном на съезде, указывалось, что на Кавказе действовало семнадцать региональных отделений (организаций) общей численностью около 4500–5000 человек. Важнейшим итогом съезда стало решение о создании польских воинских формирований на Кавказе, которые впоследствии возможно было бы отправить вооружёнными в Польшу. Польский исследователь М. Мучек отмечал, что в конце февраля 1918 г. была образована Отдельная польская бригада на Кавказе, насчитывавшая всего несколько сотен солдат в нескольких подразделениях, дислоцированных в Тифлисе, и Польский легион в Пятигорске. На рубеже 1917 – 1918 гг., её польские формирования, дислоцированные в Тифлисе, Баку, Батуми и Пятигорске, насчитывали в общей сложности около 1500 солдат под общим командованием. Но отсутствие постоянной поддержки с польской стороны и общая политическая и социально-экономическая ситуация вокруг привела к тому, что в 1918 г. упоминается только о польской бригаде, которая 26 июля того же года была расформирована по требованию немецких войск в Грузии. На момент расформирования в ней насчитывалось всего 138 офицеров и 269 солдат [18].

После объявления Национальным Советом Грузии создания независимой республики в мае 1918 г. Регентский совет Королевства Польского установил контакт с правительством Грузии и назначил своего посланника Вацлава Островского, в задачу которого входило создание сети представительств: Юзеф Мыслинский стал вице-консулом в Грозном, Рудольф Юркевич агентом в Батуми, а в Баку делегирован Тадеуша Тыдельский. И хотя основной задачей польского представительства была помощь этническим полякам, желающим вернуться в Польшу, В. Островский писал о работе по установлению контактов с правительствами Грузии и Азербайджана для налаживания торгово-экономических и дипломатических контактов.

29 января 1919 г. польское правительство признало независимую республику Грузию, но подготовка к выезду специальной миссии Республики Польша на Южный Кавказ (она называлась именно так) во главе с Титусом Филипович затянулась на год. В марте 1920 г. миссия прибыла в Тбилиси, во время советско-польской войны (1919 – 2021 гг.). О поставленных перед ней задачах известно немного. Польские исследователи

утверждают, что на Филиповича была возложена задача заключения военного договора с кавказскими государствами, а также установление тесных контактов с ведомствами государств, входивших в Антанту и располагавшимися в Баку и Эрзеруме. 24 апреля 1920 г. Т. Филипович прибыл в Баку для ведения переговоров с министром иностранных дел Азербайджанской республики Фатали Ханом Хойским, но вошедшие в город войска РККА арестовали польских представителей и отправили в Москву. Оставшиеся в Тбилиси польские представители продолжили работу до декабря 1920 г. 29 января 1921 года, через три дня после юридического признания Грузинской Республики Верховным советом Антанты, польское правительство признало её независимость. В начале 1921 г. в рамках реализации военного соглашения и деятельности союза предполагалось также направить на Кавказ польского посланника Романа Кнолля и военного атташе майора Вацлава Енджеевича. Миссия не была осуществлена, поскольку в феврале 1921 г. Тбилиси был взят частями Красной Армии, а в марте представители правительства независимой Грузии покинули ее территорию и отправились в изгнание.

Польские власти продолжили отношения с грузинскими политическими деятелями, оказавшимися в эмиграции, не признав советизацию Грузии. Осенью 1921 г. военный атташе в Константинополе полковник Л. Бобицкий установил контакт с грузинской стороной и обсуждая условия военно-политического сотрудничества с представителями эмигрантского правительства министром внутренних дел Н. Рамишвили и начальником Генерального штаба Грузии генералом А. Захариадзе. С ними была достигнута договоренность о приёме грузинских офицеров в польскую армию на контрактной основе [13]. По личному указанию Ю. Пилсудского в польские вооруженные силы на обучение было принято в 1922 г. 42 офицера и 48 подхорунжих по контракту «как служащие демократического грузинского правительства» [11, с. 65].

Поддержка грузинского правительства в эмиграции усилилась после подписания польско-турецких соглашений 23 июля 1923 г., которые позволили Польше рассматривать Турцию в качестве союзника в борьбе с Советской Россией, а её участие в «кавказских делах» укрепляло позиции Варшавы в реализации внешнеполитической доктрины «прометеизма». Признание Польшей 13 декабря 1923 г. СССР не повлекло отказа польского руководства от связей с представителями правительств Армении, Грузии и Азербайджана в эмиграции, напротив, вывело на новый уровень проведение политики «прометеизма» [18].

Организацией, объединившей антисоветские националистические силы различного толка, стал Второй Отдел Генерального штаба Главного командования Войска польского, в

частности, «Двуйка» (разведка и контрразведка). При МИД Польши была создана специальная группа «Восток», отвечающая за отношения с государствами по линии Гельсингфорс (Хельсинки) – Анкара – Тегеран, включая Москву. Для реализации прометеевой идеи свои усилия объединили разведка (отдел Тадеуша Шетцеля) и МИД Польши (глава дипмиссий в Советской России, Персии и Турции Роман Кнолль, и посланник МИД Польши в Париже и Константинополе Тадеуш Голувко) [3].

Под «прометеевой идеей» объединились эмигрантские круги из распавшейся Российской империи. «Кавказский» прометеизм имел три центра: Францию, Турцию и Польшу. Польские политические круги стремились к созданию условий для объединения кавказской эмиграции, внутри которой шли непримиримые споры о будущей форме государственного устройства и не утихали территориальные претензии друг к другу. В Париже, на основе представительств уже не существующих кавказских республик, прибывших в 1919 г. на мирные переговоры с Германией, был создан Кавказский комитет, который позже стал называться Комитетом освобождения Кавказа. Комитет наладил сотрудничество с правительством Украинской Народной Республики в изгнании, и 26 июля 1925 г. стороны подписали совместную декларацию о координации усилий по восстановлению независимости [15; 16; 17].

В октябре 1924 г. по инициативе Р. Кнолля в Турции был организован Кавказский конфедеративный комитет, объединивший кавказских политиков с правыми взглядами, оппозиционным грузинским меньшевикам и азербайджанским мусаватистам. Посол Польши в Турции Р. Кнолль в мае 1925 г. в письме к руководителю «Восточного отдела» МИДа Польши Ю. Лукасевичу подробно излагал своё видение кавказских дел, отмечая, что это направление незаслуженно обходит вниманием в польском дипломатическом ведомстве [13]. А между тем именно на восточном направлении Польша действует ни как «сателлит одной из великих держав, а как самостоятельная сила» и возможное создание независимого государства на Кавказе при участии Польши приведёт к союзническим отношениям между ними, создаст противовес России на Ближнем Востоке. Кнолль утверждал – есть все основания полагать, что в Турции находятся авторитетные силы Грузии, Азербайджана и Северного Кавказа, способных объединиться ради этой цели. «Однако я сознательно акцентирую внимание на армянах, поскольку этот народ по своей природе и в силу недавних трагедий своей истории обречён на роль российского агента на Кавказе или, в лучшем случае, пассивного наблюдателя возможных боевых действий. Как я уже упоминал, в отношении Армении проводится активная политика, направленная не столько на пропаганду и организацию армянских наци-

ональных сил, сколько на обеспечение в подходящий момент надлежащего военного прикрытия турецкой границы, чтобы предотвратить диверсии армян в тылу воюющих сторон или подготовку кавказских племён» [14, с.124].

В ответном письме от 11 июля 1925 г., адресованному Р. Кноллю Ю. Лукаевич признавал, что кавказскому направлению не уделялось достаточного внимания. Он объяснял это стремлением Варшавы закрепить свой суверенитет, заручившись поддержкой Англии и Франции, а также сосредоточением на вопросах безопасности собственных границ. Тем не менее, благодаря активной деятельности Р. Кнолля и Т. Голувко, в 1926 г. в Стамбуле был основан Комитет независимости Кавказа (КНК). КНК стал представлять различные силы, стоящие на позиции политико-пропагандистской деятельности, а польское правительство обещало ему постоянную финансовую поддержку, с целью распространение идей независимости среди мусульман Поволжья и Средней Азии. Особое внимание уделялось пропагандистской деятельности. С целью распространения информации о намерениях эмигрантских политических групп, в Турции начали издавать газету «Новый Кавказ», первый номер которой вышел в 1923 г. под редакцией лидера партии «Мусават» М. Э. Расулзаде. Однако после заключения советско-турецкого договора о дружбе и нейтралитете в декабре 1925 г. издательскую деятельность Комитета было решено перенести в Париж, где вышел первый номер журнала «Прометей, органа национальной защиты народов Кавказа и Украины». К тому же здесь находилось грузинское дипломатическое представительство, поскольку Грузия до 1933 г. во Франции статусом юридически признанного независимого государства. Фактически с 1926 г. началось прометеевское движение, объединившее все антисоветские эмигрантские силы.

После прихода к власти в Польше режима подконтрольного Ю. Пилсудскому, прометеевское движение активизировалось. В Варшаве возникает целая сеть прометеевских организаций: в 1928 г. клуб «Прометей», который курирует Второй Отдел Генштаба Войска Польского; женский клуб «Прометей» во главе с грузинской княжной Б. Багратиони; студенческий «Молодой Прометей», в числе руководителей которого был осетин Б. Бало. В Восточном институте в Варшаве была предпринята попытка создать единый для всего Северного Кавказа язык на основе кумыкского языка.

Польша в период с 1926 по 1932 гг. не ограничивалась поддержкой политических и общественных кругов кавказской эмиграции. Активизация польского руководства в направлении прометеевского движения, в частности его кавказского крыла, объяснялась тем, что Кавказский регион воспринимался во Второй Речи Посполитой как «как естественные ворота для польской политической и экономической

экспансии в Азию и учитывая значительную ценность кавказских народов для Польши как естественных военных союзников в борьбе против России» [14, с. 194].

Кавказ стал представлять больший интерес для польской дипломатической службы после того, как Министерство иностранных дел открыло в Тбилиси в феврале 1927 г. Генеральное консульство Республики Польша. Были предприняты усилия по использованию результатов уже существующего сотрудничества с грузинами для налаживания связей с горцами Северного Кавказа. Это направление курировалось польским разведывательным управлением «Консполь», расположенным в Константинополе, который передавал сообщения во Второй отдел Генерального штаба Войска Польского. В одном из сообщений от сентября 1927 г. рассматривался вопрос о выдаче польских паспортов кавказским горцам Польским консульством в Турции для облегчения их въезда в Польшу с информацией, ценной для Второго отдела Генерального штаба Войска Польского. В задачу польских дипломатов входило создание конспиративных точек, мониторинг настроений местного населения и определение «уровня прочности советской власти» в регионе, а также содействие проведению диверсионных мероприятий. В 1930 г. был подготовлен доклад капитана Стефана Новачека о подготовке специальной грузинской диверсионной группы, которая проходила обучение с 4 по 20 апреля 1930 г. В её обязанности входило устройство диверсий непосредственно в шестнадцати областях Грузии, включая уничтожение оборудования железнодорожных станций, разрушение путей, сход поездов с рельсов, диверсии на телеграфных станциях, телефонах, радиостанциях, водопроводных сооружениях, заводах, электростанциях и т. д. «Курсанты запросили информацию о методах саботажа в самом чувствительном промышленном районе Кавказа: транспортировке керосина по трубопроводам и промежуточным насосным станциям из Тифлиса в Баку на протяжении 900 км» [14, с. 175]. Нет сведений о том, имела ли эта подготовка практическую реализацию, но польские исследователи отмечают, что подобная политика не была средством для ведения наступательных действий против Советского Союза, а являлась «оборонительной тактикой», превентивным инструментом [15, р. 316]. В октябре 1930 г. польское руководство направило инструкции по сотрудничеству с Комитетом независимости Кавказа польскому посланнику в Тегеране Станиславу Гемпелю, который должен был осуществлять регулярную связь с конкретными кавказскими группами, включая Азербайджанский национальный центр, Грузинский национальный центр и Народную партию Кавказских горцев. Армянские группы были исключены из сотрудничества польской разведкой, поскольку определялись ею как просоветские. В задачи польских миссий, действовавших в Пер-

сии, входили: наблюдение за развитием событий среди кавказских народов, посредничество в отправке корреспонденции во Второй отдел Генерального штаба Войска Польского, а также оказывать моральную поддержку представителям кавказских организаций и, по возможности, противодействовать требованиям советских миссий об их высылке из региона [15, р. 307]. Участие Второго Отдела Генерального штаба Войска Польского в реализации этого направления восточной политики продемонстрировало, насколько важной была эта концепция для укрепления внешней безопасности Второй Речи Посполитой.

В середине января 1932 г. Правление Ассоциации бывших членов Польской военной организации – Восток подготовило меморандум, в котором обобщалась текущая ситуация польско-грузинского сотрудничества в рамках движения «Прометей» с 1918 г. В нём подчёркивалась признательность Польше за поддержку грузинского правительства в изгнании в Париже и усилия по созданию Устава и основ деятельности Грузинской военной организации. В дополнении к меморандуму, адресованном Юзефу Пилсудскому в феврале 1932 г., отмечалось, что данное сотрудничество «основано на грузинском движении за независимость, которое может быть использовано в интересах польской государственности» [14, р.249 – 252].

Но в 1932 г. возобновились прерванные после убийства в Варшаве советского полпреда П. Войкова в 1927 г. переговоры между Польшей и СССР, завершившиеся 25 июля 1932 г. заключением договора о ненападении и его ратификацией в декабре того же года. Польская сторона стала сворачивать финансовую поддержку «прометеистов», а затем, в целях недопущения осложнений отношений с СССР дистанцировалась от прометеевских лидеров.

Результаты. После смерти в 1935 г. Ю. Пилсудского интерес к деятельности организаций «прометеевского» толка угасает в руководстве Польши. Это было связано с рядом причин: во-первых, менялась геополитическая ситуация в Европе, на повестку дня вновь вставал вопрос о безопасности Польши, теперь уже на Западе. Политика «равного расстояния», которую проводил

глава МИД Польши Юзеф Бек, заключающаяся в равном удалении от Германии и СССР, оказалась несостоятельной, назревал конфликт между Варшавой и Берлином и внимание польских властей было сосредоточено уже в этом направлении. Во-вторых, внутри эмигрантских кругов не было единства по вопросу о возможном будущем независимого Кавказа. В 1934 г. в Брюсселе был подписан Пакт Кавказской конфедерации, который проигнорировали армяне, опасавшиеся, что им не удастся создать государство в его исторических границах [6, с. 95-96]. В 1939 г. и армянская сторона присоединилась к Пакту, тогда же были определены границы независимого Кавказа (Кавказской конфедерации), но начавшаяся Вторая мировая война поставила точку в «прометеевском движении» под эгидой Польши. В-третьих, кавказскими эмигрантами заинтересовались представители нацистской Германии, которые рассматривали возможность использования их потенциала против СССР. Сотрудничество одних и отказ от взаимодействия с нацистами других вновь расколол прометеевцев [5].

После распада СССР основным внешнеполитическим вектором Польши стала европейская интеграция. До 2004 г. главной внешнеполитической целью Польши было вступление в ЕС и НАТО. Достижение этих целей позволило польской дипломатии позиционировать себя в качестве эксперта ЕС по вопросам восточноевропейской политики, прежде всего с государствами, образовавшимися на постсоветском пространстве. Также как и в первой четверти XX в. польские политики стали руководствоваться знаменитой фразой Ежи Гедройца «чем сильнее будет наша позиция на Востоке, тем больше с нами будут считаться на Западе». Рассматривая Россию в качестве геополитического противника, Польша стремилась создать «буферную зону», в которую должны были войти Беларусь, Украина и Молдова, а также государства Южного Кавказа – Грузия, Армения и Азербайджан. Варшава стала последовательно продвигать проект «Восточного партнёрства» в рамках Европейской Политики соседства и до настоящего времени настойчиво продолжает вписывать свою «восточную политику» в контекст внешней политики ЕС.

Литература

1. Адамчевский П. Россия и Кавказ в польском этнополитическом мифе// Вестник Российской Академии наук. 2018. Т. 88. № 9. С. 826-834. URL.: <https://ras.jes.su/rasherald/s207987840000931-3-1> (дата обращения: 20.10.2025)
2. Бовдунов А.Л. Восточный вектор внешней политики Польши: геополитическая традиция и современность//Россия в XXI в. 2012. №2. С.54-69.
3. Былинин В. К., Зданович А. А., Коротаев В. И. Организация «Прометей» и «прометеиское» движение в планах польской разведки по развалу России – СССР // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 3. М.: Кучково поле, 2007. 439 с. URL.: <https://history.wikireading.ru/hD79LNU3Zv> (дата обращения: 20.10.2025)
4. Зейналова С. Формирование этнических общин западнославянских народов на Кавказе (XIX - начало XX вв.)// Кавказ&глобализация 2011.Т.5. Вып. 3-4 С.106-119.
5. Исхаков С. Прометеийские проблемы к началу Второй мировой войны: взгляд германского дипломата Ф. фон Папена URL.: <https://nowy-prometeusz.pl/category/rus/> (дата обращения: 26.10.2025)
6. Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей»: Сборник документов / Сост., пред., пер., прим. Г.Г. Мамулия. М.: Социально-политическая Мысль, 2012. 240 с.

7. Курганский А.А. Прометеизм во внешней политике Польши в межвоенный период // Дни науки – 2018. Сборник статей: научное электронное издание. Калининград: БалтФУ, 2018. С. 35-42.
8. Малышев Д. В. «Междуморье» как виртуальный проект в начале 2020 х гг.: основные реалии // Постсоветские исследования. 2024. 4(7). С.370-375.
9. Офицеров-Бельский Д. Восточная политика Польши: концептуальные основы и практические аспекты // Россия и новые государства Евразии. 2023. № IV (LXI). С. 51- 61
10. Рац М. Восток во внешней политике Польши: эволюция значения и смена приоритетов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2017. №4. С.363-378.
11. Симонова Т.М. «Прометеизм» во внешней политике Польши. 1919-1924 гг.//Новая и Новейшая история. 2002. № 4. С. 47–63.
12. Шустров М. А. Истоки современной восточной политики Польши // История и современное мировоззрение. 2021. Т. 3. №4. С. 49–57.
13. Bartoszewicz H., Misja Romana Knolla w Ankarze 1924–1925// Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. 2001. T. 36 URL: <http://rcin.org.pl/dlibra/docmetadata?id=44262&from=publication> (data dostępu: 21.10.2025).
14. II Rzeczpospolita wobec ruchu prometejskiego/ [red. nauk., wstęp, wybór i oprac. Paweł Libera]. Warszawa: Centr. archiwum wojskowe im. mjr. Bolesława Waligóry, 2013. 575 s.
15. Landmann T Ruch prometejski jako defensywny element polityki bezpieczeństwa II RP w latach 1926–1932// Wschodni-oznawstwo. 2020. T. 14. S. 297-322.
16. Libera P. Polish authorities and the attempt to create the Caucasian Confederation (1917–1940) // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej [online]. 19 sierpień 2018. T. 52. No. 3. S. 231–252.URL.: <https://apcz.umk.pl/SDR/article/view/SDR.2017.EN3.11> (accessed: 22.10.2025)
17. Łysek W. Schyłek prometeizmu (1935–1940)//Studia nad Totalitaryzmami i Wiekami XX. 21 wrzesień 2025.T. 4. S. 12–33 (PL), 308.
18. Mądzik M. Próby nawiązania stosunków politycznych między Polską a Gruzją w latach 1918–1921 URL.: <https://gfsis.org.ge/files/library/pdf/Geo-3288.pdf>(data dostępu: 19.10.2025).

References

1. Adamchevskij P. Russia and the Caucasus in the political world. *Vestnik Rossijskoj Akademii nauk*. 2018; 88.9:826-834. URL: <https://ras.jes.su/raserald/s207987840000931-3-1> (accessed: 20.10.2025) (In Russ.)
2. Bovdunov AL. The Eastern Vector of Russia's Foreign Policy: Geopolitical Tradition and Modernity. *Rossija v XXI v.* 2012;2:54-69. (In Russ.)
3. Bylinin VK, Zdanovich AA, Korotaev VI. Organization "Prometheus " I" prometheyskoe " dvizhenie in Plana pol'skoj razvedki after the Rossii – USSR collapse In: Proceedings of the Society for the Study of the History of the Russian Special Services. Vol. 3. Moscow: Kuchkovo pole, 2007. 439 p. URL: <https://history.wikireading.ru/hD79LNU3Zv> (accessed: 20.10.2025) (In Russ.)
4. Zejnalova S. Formation of ethnic communities of West Slavic peoples in the Caucasus (19th - early 20th centuries). *Kavkaz&globalizacija* 2011;5;3-4:106-119. (In Russ.)
5. Ishakov S. Promethean Problems at the Beginning of World War II: The View of German Diplomat F. von Papen URL: <https://nowy-prometeusz.pl/category/rus/> (accessed: 26.10.2025) (In Russ.)
6. The Caucasian Confederation in official declarations, secret correspondence and secret documents of the Prometheus movement: collection of documents / G.G. Mamulia. Moscow: Social'no-politicheskaja MYSL, 2012. 240 p. (In Russ.)
7. Kurganskij AA. Prometheism in Russia's Foreign Policy during the Interwar period In: Science Days – 2018. Collection of articles: scientific electronic edition. Kaliningrad: BaltFU, 2018. p. 35-42 (In Russ.)
8. Malyshev DV. Internarium as a virtual project in the early 2020s: key realities. *Postsovetskie issledovanija*. 2024;4(7):370-375. (In Russ.)
9. Oficerov-Bel'skij D. Poland's Eastern Policy: Conceptual Framework and Practical Aspects. *Rossija i novye gosudarstva Evrazii*. 2023;IV (LXI):51- 61. (In Russ.)
10. Rashh M. Poland's Eastern Policy: Conceptual Framework and Practical Aspects. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnoshenija*. 2017;4:363-378. (In Russ.)
11. Simonova TM. "Prometheism" in Polish Foreign Policy, 1919–1924. *Novaja i Novejšhaja istorija*. 2002;4:47 – 63. (In Russ.)
12. Shustrov MA. The origins of Poland's modern Eastern policy. *Istorija i sovremennoe mirovozzrenie*. 2021;3;4:49-57. (In Russ.)
13. Bartoszewicz H., Misja Romana Knolla w Ankarze 1924–1925 In: Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. 2001. Vol. 36 URL: <http://rcin.org.pl/dlibra/docmetadata?id=44262&from=publication> (accessed: 21.10.2025).
14. II Rzeczpospolita wobec ruchu prometejskiego/ [red. nauk., wstęp, wybór i oprac. Paweł Libera]. Warszawa: Centr. archiwum wojskowe im. mjr. Bolesława Waligóry, 2013. 575 s.
15. Landmann T Ruch prometejski jako defensywny element polityki bezpieczeństwa II RP w latach 1926–1932. *Wschodni-oznawstwo*. 2020;14:297-322.
16. Libera P. Polish authorities and the attempt to create the Caucasian Confederation (1917–1940) In. Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej [online]. 19 sierpień 2018. Vol. 52. No 3. p. 231–252.URL.: <https://apcz.umk.pl/SDR/article/view/SDR.2017.EN3.11> (accessed: 22.10.2025)
17. Łysek W. Schyłek prometeizmu (1935–1940) In Studia nad Totalitaryzmami i Wiekami XX. 21 wrzesień 2025. Vol. 4. S. 12–33 (PL), 308.
18. Mądzik M. Próby nawiązania stosunków politycznych między Polską a Gruzją w latach 1918 – 1921 URL.: <https://gfsis.org.ge/files/library/pdf/Geo-3288.pdf> (accessed:19.10.2025).